ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ССР

А. Ф. СМИРНОВ,
действительный член Общества

КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БССР
МИНСК 1950

ОБЩЕСТВО ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И НАУЧНЫХ ЗНАНИЙ БЕЛОРУССКОЙ ССР

А. Ф. СМИРНОВ,
действительный член Общества

КОНСТАНТИН КАЛИНОВСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК БЕЛОРУССКОЙ ССР
МИНСК 1956

Редактор
кандидат философских наук
И. М. Ильюшин

„Герои, известные нам и неизвестные, из поколения в поколение прокладывали нам путь к солнцу и звездам".

Янка Купала

Константин Семенович Калиновский—вождь крестьянского восстания в Белоруссии и Литве 1863—1864 гг. — является крупнейшим представителем передовой общественной мысли Белоруссии XIX в., развивавшейся под могучим влиянием русских революционных демократов—Герцена, Белинского, Чернышевского, Добролюбова.

На протяжении многих десятилетий революционно-демократическая деятельность и мировоззрение К. Калиновского подвергались усиленной фальсификации со стороны черносотенцев и националистов различных мастей. Но их потуги оказались тщетны.

Советская историческая наука отбросила хлам пустословия реакционных писак и отвела революционному демократу К. Калиновскому достойное место в героическом прошлом белорусского народа.

Константин Семенович Калиновский родился 28 января 1838 г. в м. Мостовляны, Гродненской губернии в семье мелкопоместного дворянина. Вырос в фольварке Якушувка (ныне Свислочский район, Гродненской области).

В 1855 г. Калиновский окончил прогимназию в м. Свислочь и после некоторой подготовки выехал в Москву, где поступил в университет. В Москве он пробыл около полугода и переехал оттуда в Петербург, где продолжал заниматься на юридическом факультете университета по разряду камеральных наук.

Учился он в тяжелых условиях, будучи лишенным, по собственным словам, «всех средств содержания». Средства на жизнь зарабатывал уроками. Пребывание в Петербурге позволило Калиновскому глубже изучить столичную жизнь, познакомиться с различными слоями общества.

Калиновский учился в Петербургском университете в годы подъема русского освободительного движения, наступившего после Крымской войны. В это время Петербург занимает первое место в общественно-политической жизни страны, становясь центром русской революционной демократии. Здесь жили ее общепризнанные вожди Н. Г. Чернышевский и А. Н. Добролюбов. Их соратник Щелгунов позднее в своих воспоминаниях писал: «Умственный центр России был не в сердце России, а в ее голове, в Петербурге... Он казался нам единственной светлой точкой России, где можно жить»[1]. Революционное студенчество Петербурга, в среде которого Калиновский прожил четыре года, было в авангарде освободительного движения. Из среды воспитанников столичного университета вышли многие члены революционного общества «Земля и Воля».

Весной 1860 г. Калиновский окончил университет. К этому времени он занимал уже видное место в революционных кружках, существовавших в то время в Петербурге. Кроме участия в студенческом движении, Калиновский был членом революционного кружка, возглавлявшегося Сигизмундом Сераковским. В кружке наметилось революционно-демократическое крыло и либерально-реформистское. Члены кружка передают, что среди них были жестокие споры, в которых Сераковский и другие революционные демократы указывали общее расположение страны к революции. Либералы же уверяли, что видят «в ней только верную гибель» и что, по их мнению, «лучше стремиться к социальной реформе—улучшению быта крестьян»[2]. В этих спорах К. Калиновский занимал революционно-демократическую позицию.

Мировоззрение К. С. Калиновского формировалось в условиях гниения и распада феодализма, развития капиталистических отношений и обострения классовой борьбы. Усиливавшееся с каждым годом крестьянское освободительное движение достигло такой силы, что в России в 1859—61 гг. сложилась революционная ситуация. В. И. Ленин, характеризуя этот период, писал: «Оживление демократического движения в Европе, польское брожение, недовольство в Финляндии, требование политических реформ всей печатью и всем дворянством, распространение по всей России «Колокола», могучая проповедь Чернышевского, умевшего и подцензурными статьями воспитывать настоящих *революционеров,* появление прокламаций, возбуждение крестьян, которых «очень часто» приходилось с помощью военной силы и с пролитием крови *заставлять* принять «Положение», обдирающее их, как липку,

[1] Щелгунов, Воспоминания, стр. 81—83, ГИЗ., 1923.

[2] ЛОЦИА, ср. 930, д. 22, л. 115.

коллективные отказы дворян—мировых посредников применять *такое* «Положение», студенческие беспорядки—при таких условиях самый осторожный и трезвый политик должен был бы признать революционный взрыв вполне возможным и крестьянское восстание—опасностью весьма серьезной»[1].

Основоположники марксизма, вожди мирового пролетариата К. Маркс и Ф. Энгельс пристально следили за революционным движением в России, связывая его успехи с задачами революционно-демократического преобразования Европы. В своем известном письме к Энгельсу от 11 января 1860 г. К. Маркс оценил освободительное движение в России как величайшее событие на всем европейском континенте. Несколько позднее он писал Энгельсу: «В Европе опять открылась эра революции... будем надеяться, что лава потечет на сей раз с Востока на Запад». Энгельс соглашался со своим другом, считая, что вот-вот «по всей России пойдут восстания». К этому выводу основоположники марксизма пришли, исходя из оценки революционных возможностей каждой европейской страны. Они отмечали, что английскому рабочему надо «излечиться, от буржуазной заразы», что «движение не может начаться во Франции» и тем более в Пруссии, по отношению к которой К. Маркс делает очень глубокое замечание: «Наше отечество являет крайне жалкий вид. Без побоев с этими собаками (бюргерами—**А. С.**) ничего не сделаешь»[2].

Интересы крестьян в России защищали в то время революционные демократы, во главе которых стоял Николай Гаврилович Чернышевский. Всю свою многогранную деятельность революционные демократы, руководимые Н. Г. Чернышевским, подчинили основной задаче — подготовке и организации всероссийской крестьянской революции. Эта идея упорно и настойчиво проводилась ими через все рогатки и препоны цензуры.

Набатом, звавшим Россию к топору, звучало каждое их произведение. Чернышевский объединил вокруг себя лучших сынов России—Добролюбова, Некрасова, Антоновича и многих других. Органом этой революционно-демократической группы был журнал «Современник».

Однако стихийное крестьянское движение в России, не имевшее руководства пролетариата, оказалось недостаточно сильным, чтобы разбить русский царизм и крепостничество и связать свою борьбу с революционным движением в Западной Европе. Но рост крестьянской борьбы заставил царя и помещиков «отменить» крепостное право.

Произведения русских революционных демократов оказывали большое влияние на молодежь, которая, воодушевляясь

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 26—27.

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIII, стр. 133, 162.

призывами Чернышевского, стремилась ознакомить крестьян с идеями революционных демократов. В письме из Вильно один революционно настроенный юноша пишет своему брату в столицу: «Я тебе скажу, кого я почитаю из теперешних литераторов: Достоевского, Антоновича, Чернышевского, а из недавно умерших—Добролюбова. Узнай, пожалуйста, за что «Современник» запрещен, я думаю за статью Чернышевского в апрельской книжке: «Не научились ли?» Она действительно слишком резко нападает на распоряжения правительства относительно университетов и оправдывает демонстрации студентов». Автор письма сообщает также, что «Современник» пользуется большой популярностью среди его товарищей и что он часто с удовольствием беседует с крестьянами и ремесленниками и «довольно набил руку», как «можно переменить некоторые из понятий мужичка» [1].

Белорусская революционная молодежь считала идеи Чернышевского и его соратников «гимном свободы», призывающим к объединению сил для «борьбы с властью насилия и гнета». В рукописных стихах, распространявшихся в Белоруссии вместе с газетой Калиновского «Мужицкая правда», содержался призыв к объединению народов России для успеха в борьбе с царизмом.

„Пусть же ныне и до века
Нас связует воедино
Назначенье человека,
Гражданина, славянина.
Пусть отрады и все муки
Будем вместе мы делить,
Братья! Дайте же нам руки
Чтобы честно вместе жить!"

Одной из важнейших сторон деятельности Н. Г. Чернышевского было руководство тайными революционно-демократическими кружками. Общеизвестно, что он был одним из создателей и руководителей революционной организации «Земля и Воля». Под влиянием Чернышевского было и общество «Молодая Россия», возникшее среди студентов Московского университета, и многие другие кружки.

Общество «Земля и Воля» имело своих членов среди молодежи Белоруссии и офицеров стоявших там воинских частей. Воззвания этого общества широко распространялись на территории Белоруссии и способствовали развитию белорусской общественной мысли и освободительного движения.

Приведенные факты говорят о глубоком влиянии Н. Г. Чернышевского на передовую часть белорусского общества. Самым выдающимся последователем Н. Г. Чернышевского в Белоруссии был К. Калиновский—общепризнанный руководитель революционных демократов в Белоруссии и Литве в период подготовки и во время восстания 1863—64 гг. Его революционная публицистика отражала настроения революционного крестьянства. В своей революционно-демократической деятельности Калиновский исходил из принципов Н. Г. Чернышевского, гласивших, что в истории никакой прогресс невозможен без борьбы. Он был воодушевлен верой в наступление такого светлого часа, когда появятся свои русские инсаровы и поведут за собой мятежный крестьянский люд России на самоотверженную борьбу против «темного царства». Калиновский считал идеи русских революционных демократов «великими философскими современными идеями» и опирался на них в борьбе с угнетателями белорусского и литовского крестьянства.

[1] ЦГИА, Москва, ф. 109, д. 361, л. 4—5.

Возвратившись в Белоруссию, Калиновский полностью отдается революционной деятельности. Он энергично работает по подготовке восстания, создает революционную организацию. Основу этой организации составили члены кружка Сераковского и революционное студенчество, покинувшее университеты после волнений в них весной и летом 1861 г. Со многими членами революционной организации Калиновский был знаком еще по Петербургу. Из материалов следствия видно, что большинство руководителей восстания задолго до него знали друг друга по революционной деятельности и совместной учебе.

Организация создавалась очень быстро. Уже к середине 1861 г. в Вильно и Гродно были созданы группы, начавшие подготовку к восстанию. Они запасали оружие и боеприпасы, вели пропаганду среди крестьян. Калиновский, Врублевский и другие революционные демократы Белоруссии и Литвы были связаны с русскими революционно настроенными офицерами—членами «Земли и Воли».

В этот период своей революционной деятельности Калиновский скрывался в Вильно от царских сатрапов под фамилией Макаревича.

Уже в годы подготовки восстания Калиновский стоял на революционно-демократических позициях, понимая непримиримость интересов крестьянства и крепостников-помещиков. В борьбе за полное уничтожение помещичьего землевладения насильственным путем он стремился создать революционную организацию, способную возглавить восставшее крестьянство. Калиновский привлекал к руководству восстанием лучших людей из крестьян и разночинцев. Один повстанец в своих показаниях пишет, что, предлагая ему вступить в члены революционной организации, Калиновский заявил, что «предлагает мне должность в организации потому, чтобы в ней было более людей одного с ним положения, т. е. не принадлежащих

к классу помещиков, иначе последние заберут всю власть в свои руки» [1].

Несмотря на сопротивление некоторых членов организации, Калиновский приобретал все больший авторитет в ней. Под его влиянием организация приняла решение «обратить всю возможную силу пропаганды на крестьян» [2]. Соответственно с выполнением этой основной задачи, центр деятельности революционное общество перенесло в деревню.

Для более усиленной подготовки крестьянского восстания и пропаганды среди крестьян революционно-демократических идей, Калиновский с группой своих соратников (Врублевский и др.) организовал летом 1862 г. выпуск первой белорусской революционно-демократической газеты «Мужицкая правда».

В «Мужицкой правде» Калиновский и его соратники, вслед за русскими революционными демократами, срывали с царя маску доброжелателя крестьян, вскрывали крепостнический характер политики правительства, подвергали резкой бичующей критике существовавшие в стране общественные и государственные порядки и доказывали, что единственным путем удовлетворения справедливых требований трудящихся масс Белоруссии было пропагандируемое Чернышевским всероссийское крестьянское восстание.

«Мужицкая правда», вслед за «Современником» и «Колоколом», звала крестьян к топору. Она пользовалась большой популярностью среди крестьян Белоруссии и Литвы. Значение «Мужицкой правды»—первого призыва к революции, обращенного к трудящимся Белоруссии на их родном языке — трудно переоценить.

При изучении революционной публицистики К. С. Калиновского обращает внимание ее идейное родство с произведениями Н. Г. Чернышевского, посвященными аграрному вопросу и политическому положению страны в период реформы. Это обусловлено тем, что, подобно Н. Г. Чернышевскому, Калиновский был идеологом революционного крестьянства и в своих воззваниях шел вслед за Чернышевским. Постановка одинаковых вопросов и совпадение основных выводов объясняется тем, что положение белорусского крестьянства ничем существенно не отличалось от положения крестьян в центральной России. Именно это обстоятельство приводило к тому, что Калиновский, решая вопросы об освобождении белорусских трудящихся масс, видел в борьбе русского крестьянства против самодержавия и крепостничества могучего союзника, а в произведениях Н. Г. Чернышевского находил ответы на вопросы, поставленные в порядок дня ходом общественного развития.

[1] Филиал ЦГИА, Гродно, ф. 3, д. 41, л. 1—4.

[2] ЛОЦИА, ф. 930, д. 22.

В центре воззваний Калиновского стоит требование преобразований общественного строя в интересах крестьян, уничтожение помещичьего землевладения и передачи земли крестьянству, уничтожение царской бюрократии и передача управления государством в руки самого народа.

Калиновский подчеркивал, что крестьянин твердо усвоил «понятие, что вся земля есть его достояние, оспариваемое только помещиками». Красной нитью проходит отстаивание этого справедливого требования крестьянства через всю революционную деятельность Калиновского. Вместе с тем, Калиновский бичевал веру крестьянства в царя, разрушая надежды на получение земли и воли из царских рук.

Связывая критику реформы с разоблачением антинародного характера всей царской политики, Калиновский стоял на позициях, близких позиции Чернышевского, писавшего крестьянам, что «по царскому-то манифесту, да по указам дело поведено не к воле, а к тому оно идет, чтобы в вечную кабалу вас помещики взяли, да еще в такую кабалу, которая гораздо хуже нонешней» [1].

Калиновский и Врублевский в «Мужицкой правде» писали, что царь «в манифесте приказывает мужикам служить до времени барщину по-старому, а по-новому заплатить больше денег в казну на писарей, посредников, да и чорт знает на что. Судите теперь сами, разве не обманывают вас?».

Одной из особенностей крестьянской борьбы против грабительской реформы 1861 г. было то обстоятельство, что, подрывая своей борьбой основы крепостничества и самодержавия, крестьяне сохраняли веру в добрые намерения царя. Вот почему разрушение этой веры было одной из основных задач революционных демократов. В. И. Ленин, подчеркивая революционный демократизм А. И. Герцена, специально цитировал его обращение к «труженику и страдальцу земли русской», в котором Герцен призывал крестьян не верить царю и архирею, ненавидеть их и бороться с ними.

Калиновский пишет крестьянам, что обещания даются правительством для обмана народа и что, если за шесть лет царь и сенат ничего не сделали для облегчения страданий народа, то за год тем более ничего не сделают. Он раскрывает перед крестьянами классовую суть самодержавия, связь царя с помещиками. В «Мужицкой правде» № 4 он пишет: «В правительстве если царь глуму захочет, то чиновники глум совершат. А из этого-то и видно, что насилия, которые у нас измышляют не оттого происходят, что в нашем крае нет людей, способных быть чиновниками, готовых и жизнь свою от-

[1] Н. Г. Чернышевский, «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон». Избр. эконом. произв., т. 2, стр. 611, 1948.

дать за народ, а потому, что царь таких людей в Сибирь высылает... где же здесь правду искать?

Глум, насилие и несправедливость исходят от самого царя, он-то из нас набирает войско, он-то с нас дерет деньги, как будто для нужд народа...

Он-то нас угнетает, держит в неволе, но приходит ему уже конец, потому, что мужик услышал вольность, а освобождение мужика подобно петле для всех разорителей и притеснителей народа.

Поэтому царь и задерживает вольность мужицкую и будет задерживать потому, что если у бар сто раз спрашивал, какую они хотят дать вольность мужикам, у мужиков и разу не спросил, какой они хотят вольности. Он-то знает, какая вольность мужицкая, он знает, что мужик хочет, чтобы никто не смел драть ни с кого и потому, что мы под его властью, так он нашей вольности боится».

Эти мысли Калиновского идейно близки к развиваемым Н. Г. Чернышевским положениям в его известном письме к барским крестьянам, где он писал: «А не знал царь что ли, какое он дело делает? Да сами вы посудите, мудрено ли это разобрать? Значит знал. Ну и рассуждайте, чего надеяться вам на него? Оболгал он вас, обольстил он вас! Не дождетесь вы от него воли, какой вам надобно... Сам то он, кто такой, если не тот же помещик? Удельные то крестьяне, чьи же? Ведь они его крестьяне крепостные. Вы у помещиков крепостные, а помещики у царя слуги. Он над ними помещик, значит что он, что они—все одно. А сами знаете, собака собаку не ест. Ну царь и держит барскую сторону»[1].

Революционер-демократ Калиновский решительно выступил против понимания реформы 19 февраля, как царской милости. Последователь Чернышевского, он показывает крестьянству, что реформа вырвана у царя усилиями русского освободительного движения. И если реформа не отвечает интересам и желаниям трудящихся масс, то в этом они повинны сами, ибо слишком мал и слаб был их натиск, слишком скоро поверили они уверениям царя и ослабили борьбу. Чем сильнее революционное движение, тем больше завоевания народа, утверждает Калиновский. В «Мужицкой правде» № 3 пишется: «Два года уже тому, когда еще никаких манифестов о вольности не объявляли—народ в Петербурге, Москве и по всей России начал сильно требовать, что если правительство не даст вольности, то он всею массою 19 февраля восстанет, тогда царь вижу испугался и велел сенату съехаться, а народу объявить, что в пост вольность получит. Народ глупый

[1] Н. Г. Чернышевский, Избр. эконом. произв., т. 2, стр. 611, 1948.

поверил да и разошелся, а царь, потолковав с сенатом, когда прошла тревога, объявил вместо вольности манифест». Царский манифест, как отмечала «Мужицкая правда», лишь усилил гнет, увеличил поборы.

Калиновский в единстве и стойкости революционного движения по всей России видел залог успеха в борьбе за свободу. В свете этого не более как гнусными и жалкими выглядят попытки националистов различных мастей «доказать», что Калиновский якобы ненавидел всю Россию, все русское и т. п.

Разоблачая грабительский характер реформы 19 февраля, Калиновский вскрывает смысл либерально-реформистских идей своего времени, доказывает, что цель всякой реформы — оставить нетронутым угнетение народа, введя его в заблуждение изменением формы эксплоатации. Царь хочет, пишет Калиновский, «чтобы не дать ничего, а народ, чтобы думал, что имеет все как надо». «Он-то хотел переменить неволю, но вижу сильно ошибся», так как народ понял обман и подымается на борьбу. Это разоблачение реформизма, либерализма—еще одно свидетельство огромного влияния Н. Г. Чернышевского на мировоззрение Калиновского. С позиций революционного демократа критиковал Калиновский проводимые блоком крепостников и либералов реформы, показывая, что революционное движение заставляет их это делать.

Показав неспособность правительства царя и помещиков удовлетворить интересы народа, показав ошибочность мнений, что можно отменить крепостное право силой старого порядка, Калиновский обосновал необходимость революции и от критики царизма переходит к указанию путей борьбы с ним. Он доказывает необходимость организованного восстания и готовит последнее. Идея организованного восстания—один из главных вопросов русской революционной демократии—находит свое отражение на страницах «Мужицкой правды» и стоит в центре революционной деятельности Калиновского.

Н. Г. Чернышевский, Добролюбов, Герцен, Огарев и другие демократы-революционеры напряженно работали в годы революционной ситуации 1859—61 гг., теоретически и организационно готовя всероссийскую крестьянскую революцию. В своем знаменитом письме к барским крестьянам Чернышевский писал: «Надо мужичкам промеж себя согласие иметь, чтобы заодно быть когда пора будет... когда все готовы будут... ну, тогда дело начинай. А до той поры рукам воли не давай, смиренный вид имей, а сам промеж своим братом толкуй да подговаривай его, чтобы дело в настоящем виде понимал. А когда промеж вами единодушие будет, в ту пору и назначение выйдет, что пора дескать всем дружно начинать. Мы уж увидим, когда пора будет и объявление сделаем. Ведь у нас

по всем местам свои люди есть, отовсюду нам вести приходят»[1].

К. Калиновский, находившийся в тесной связи с обществом «Земля и Воля», был одним из тех революционеров, которые учили крестьян, как добывать свободу. Он призывал крестьян к согласованному единовременному вооруженному выступлению. «Возьмемся, детюки, за руки и выступим разом. Нечего ждать ни от кого, ибо только тот жнет, кто сеет! Так сейте, детюки, как придет пора полною рукою, не жалея сил, чтобы мужик был вольным». («Мужицкая правда» № 3).

Калиновскому и другим революционным демократам, готовившим крестьянское восстание, пришлось вести борьбу не только с царизмом и крепостничеством, но и с руководителями польского шляхетского национального движения, которые стремились не допустить самостоятельного крестьянского восстания и подчинить борьбу белорусских крестьян своему влиянию.

На территории Белоруссии и Литвы было по сути дела две организации, которые вели подготовку к восстанию: революционно-демократическая организация, во главе с Калиновским и Врублевским, и другая, созданная Варшавским жондом. Члены последней были враждебно настроены к идеям социальной революции, пропагандируемым революционными демократами Литвы и Белоруссии, и препятствовали их революционной деятельности.

Как сообщают участники восстания, Виленский комитет изгнал из пределов Белоруссии и Литвы агентов Варшавского комитета и предупредил их, что в случае возвращения они будут убиты. Комитет объявил также недействительными распоряжения агентов Варшавского центрального комитета.

В ответ на это руководители восстания в Польше решили принять меры к роспуску Литовского комитета и начали подготовку к передаче руководства восстания в Белоруссии и Литве в руки буржуазно-помещичьих либералов.

К этому времени, т. е. в начале 1863 г., аграрное движение в Белоруссии и Литве перерастает в вооруженное восстание. Крестьяне громят помещичьи усадьбы, разгоняют царскую администрацию. Восстание охватывает все новые и новые районы, распространяясь по всей Белоруссии и Литве. Поскольку крестьянское движение под руководством революционно-демократической группы Калиновского наносило удар по интересам помещиков, Варшавский жонд решительно вмешивается в дела Белоруссии и Литвы, с целью помешать Калиновскому поднимать крестьянство на борьбу за полное уничтожение помещичьего землевладения.

[1] Н. Г. Чернышевский, Избр. эконом. произв., т. 2, стр. 615, 1948.

Литовский провинциальный комитет рассматривал себя, «как организационную власть на Литве и Белоруссии», как представителя белорусского и литовского народов. Отказ Варшавы от признания его самостоятельности, вмешательство в дела Белоруссии и Литвы нельзя не рассматривать, как отказ от принципов свободы народов, громогласно провозглашенных Варшавским жондом в своих воззваниях. На словах он признавал право народа свободно решать свою судьбу после победоносного восстания, на деле, уже в ходе подготовки восстания, Варшавский жонд, стоявший на страже интересов польской буржуазии и помещиков, стремился укрепить свои позиции в Белоруссии и Литве, чтобы подготовить присоединение Белоруссии и Литвы к Польше. Таким образом, уже в 60-х годах XIX века польская буржуазия, тесно срослаяся с польскими феодалами, претендовала на превращение Белоруссии и Литвы в свою колонию и была не в состоянии успешно руководить национально-освободительным движением польского народа.

Основной причиной, заставившей Варшавский жонд вмешаться в дела крестьянского восстания в Белоруссии и Литве, был страх перед растущим крестьянским движением и деятельностью революционных демократов.

В середине марта революционно-демократическая группа Калиновского была отстранена от руководства восстанием, полностью перешедшего в руки помещиков, которые писали, что, подобно Мирабо, взяли сами бразды руководства восстанием, чтобы покорить его и направить по безопасному для себя пути.

Калиновский резко осудил этот мартовский переворот, подготовленный и совершенный Варшавским жондом и его агентами. В своем протесте, поданном жонду, Калиновский писал: «Провинциальный комитет уступает и слушается главу восстания потому, во-первых, что не желает начинать пагубных для революции раздоров и несогласий и, во-вторых, потому, что не чувствует себя достаточно сильным, чтобы вырвать руководство дел из рук своих противников. Однако же, члены комитета считают своим долгом объявить вместе с тем, что они считают гибелью и изменой революции передачу руководства в руки контрреволюционеров—всегдашних врагов и революционного движения вообще и начал манифеста от 22-го января, в особенности, что они (т. е. Калиновский и друзья) протестуют против такого решения Центрального комитета, снимают с себя всякую ответственность перед будущностью за все ошибки и за все потери и несчастья, которые принесет, противное духу и тенденциям восстания, руководство литовским делом»[1].

[1] Из показаний О. Авейде, Парт. архив при ЦК КП(б)Б, ф. 4, д. 426.

Причинами слабости, о которой говорит Калиновский, являлись следующие обстоятельства.

Во-первых, как позднее отмечал Калиновский, в начале восстания «крестьяне, будучи в состоянии выжидательном, а потому нерешительном, не могли служить народному делу соответственно тем средствам, какие могут находиться в их руках». Значит, Калиновский, защищавший интересы крестьянства, не мог опереться на его и отразить напор жонда и его сторонников в Белоруссии и Литве. Калиновский оказался отстраненным от центрального руководства, ибо крестьянство не поднималось до понимания его идей, его тактики борьбы в решительные минуты восстания. Крестьяне, как отмечал В. И. Ленин, из-за законной ненависти к польскому пану, не могли понять значения борьбы этих панов для всероссийской демократии. Таким образом, стихийность крестьянского движения, отсутствие в нем политической сознательности, было основной причиной, мешавшей Литовскому провинциальному комитету быть «достаточно сильным».

Во-вторых, в борьбе с буржуазно-шляхетским руководством польского национального движения, Калиновский не мог в должной мере опереться на помощь русского освободительного движения, так как царизм к этому времени уже нашел выход из революционной ситуации, и с мая 1862 г. в Великоруссии началась все усиливающаяся реакция, продолжавшаяся несколько лет.

Наконец, в самом Литовском провинциальном комитете не было единства. Противоречия в нем отражали разногласия между защитниками крестьянства и выразителями интересов польской шляхты. В составе комитета были лица, которые защищали лозунг восстановления Польши в границах 1772 г. и отказывались от полного уничтожения крепостничества путем крестьянской революции.

В начале апреля 1863 г. Калиновский был послан в Гродненскую губернию в качестве революционного комиссара. Ему предложили отказаться от революционно-демократических принципов и бороться за вовлечение крестьян в польское национальное движение.

Со слов самого Калиновского, об этом периоде его деятельности известно немного. Так, следственной комиссии он заявил: «В числе учреждаемой «отделом» организации, мне попалась обязанность военного комиссара Гродненской губернии. Инструкций я никаких не получил, сказано было только, что характер моей деятельности должен быть наблюдательный за военными действиями в политическом отношении...» [1]. Однако эти показания не раскрывают всей его деятельности. На них лежит печать борьбы со следственной комиссией.

[1] ЦГА. Лит. ССР, Вильнюс, ф. Вр. полевой аудитор., д. 280.

В должность комиссара губернии Калиновский вступил в апреле 1863 г. Его деятельность на Гродненщине была образцом революционного служения своему народу. Пробыв там около двух месяцев, объехав всю губернию, он проверил почти все повстанческие отряды. Известно о его поездке под именем Чернецкого в г. Брест. Говорили также, что оттуда он еще ездил «в Пружаны и в Кобрин, наконец бог знает куда». Бывая в отрядах, он производил проверку личного состава, снаряжения и обеспечения отрядов всем необходимым. Особое внимание он придавал крестьянству, «расспрашивал о духе сельского населения».

Проверяя деятельность повстанческих органов, он поправлял ошибки, сурово взыскивал за них и всюду привлекал к руководству восстанием своих сторонников из среды разночинцев и крестьян.

Пребывание на гродненщине Калиновский использовал для укрепления сил революционных демократов в Белоруссии, всемерно способствуя росту крестьянского движения. Под его руководством крестьянское восстание в Гродненской губернии настолько усилилось, что в некоторых районах повстанцы установили свой контроль.

Опираясь на усилившееся крестьянское движение, Калиновский летом 1863 г. разворачивает борьбу за окончательное отстранение агентов польской буржуазии от руководства восстанием в Белоруссии и Литве. В июне 1863 г. Калиновский возвращается в Вильно и вскоре отказывается подчиняться Варшавскому буржуазно-шляхетскому жонду.

Целью этого отказа являлось стремление получить возможность выдвинуть демократическую программу восстания, добиться расширения района крестьянского восстания за пределы Белоруссии и Литвы, заручиться поддержкой русского крестьянства. Ход восстания показал, что уничтожить царизм без восстания в центральных районах России нельзя.

В таком направлении работала мысль всех революционных демократов Белоруссии и Литвы, которые связывали успех борьбы с ростом всероссийского движения.

Ясно, что Варшавский жонд не на шутку переполошился, получив извещение о намерении группы Калиновского отказаться подчиняться ему. Однако, несмотря на все усилия, Варшавскому жонду ни уговорами, ни угрозами не удалось заставить Калиновского отказаться от завоеванной самостоятельности восстания в Белоруссии и снять призывы к уничтожению помещичьего землевладения. Под руководством Калиновского крестьяне усилили борьбу с крепостниками и самодержавием.

Среди объединившегося в борьбе с крестьянами лагере угнетателей были кое-какие разногласия о том, сколько шкур

можно спустить с крестьян в одну реформу, но эти разногласия смолкли перед лицом восставшего трудового люда. Сердца всех помещиков Белоруссии и Литвы были благодарны царю за подавление крестьян.

Именно таких негодяев, сомкнувшихся вокруг Муравьева-вешателя,—генерал-губернатора Северо-Западного края — имел в виду Калиновский, когда писал, что Муравьев ведет пропаганду братства крестьянина с помещиком и жандармом и что это братство создается и скрепляется казачьей нагайкой.

Калиновский разоблачал пропагандируемую уже в то время господствующими классами Белоруссии своеобразную теорию единого потока, лживую теорию, об отсутствии среди белорусов, как и вообще среди славян, неравенства и классовой борьбы.

Калиновский резко выступил против господствующих классов Белоруссии, которые пресмыкались перед царизмом, восхваляли его колонизаторскую политику и оправдывали предательство своего народа космополитической болтовней об отсутствии наций и национальностей, народов и народностей. «Народность посреди человечества—заявила группа минских помещиков—это отдельный тон в созвучии великой мысли бога, сливающийся в один стройный гимн, называемый история».

Революционные демократы во главе с К. Калиновским выступали как подлинные защитники народа, отстаивая его право на свободное социальное и национальное развитие.

В этот период обострившейся борьбы Калиновский разоблачает происки реакционного католического духовенства, которое стремилось использовать религию для борьбы с восстанием. Католическое духовенство, как и казенная православная церковь, оставаясь верным псом крепостничества, вело борьбу с восставшими. Реакционное католическое духовенство в специальных воззваниях к крестьянству убеждало его прекратить восстание против царизма, уверяя, что эта «власть исходит от бога». Разоблачение Калиновским католического духовенства, как прислужников угнетателей крестьянства, было частью борьбы, которую он вел за продолжение восстания, за доказательство крестьянам, что их борьба по своим целям отлична от польского национального движения, социальной базой которого в Белоруссии являлись, в основном, польские землевладельцы.

В приказе от 24 августа Калиновский пишет крестьянам, что Муравьев обманывает их, заявляя, «что это помещики поднялись, чтобы возвратить барщину—он хочет взмутить воду, чтобы в мутной воде попрежнему рыбу ловить. Но дело наше не дело помещичье, а справедливой вольности, какую ваши деды и отцы издавна желали... Но миновала уже барщина, миновала кривда и никакая сила ее не вернет.... никто не смеет кривдить простого человека... Земля уже ваша»[1].

Следует особо подчеркнуть, что Калиновский выдвижением революционных требований, отвечающих интересам крестьянства, защитой его в ходе борьбы, стремился усилить восстание.

Став у руководства восстанием, К. Калиновский изменил тактику вооруженной борьбы, отказавшись от действий крупными отрядами. Еще находясь на Гродненщине, он делал попытки формировать небольшие, хорошо вооруженные партизанские отряды, способные при поддержке трудящихся вести борьбу. Теперь он этот план, со свойственной ему энергией, стал осуществлять. Он понимал, что, не став всероссийским, крестьянское восстание не может принять методы регулярной войны и действовать большими отрядами, так как крупные отряды легко уничтожались бы царскими войсками.

Стремясь усилить крестьянское восстание, Калиновский решительно выступает против надежд на помощь восставшим со стороны английских и французских войск, которые (надежды) насаждались Варшавским жондом и его агентами. Он боролся против этих ожиданий, потому что понимал одинаковую заинтересованность царя и западноевропейских правящих кругов в удушении всякого подлинно революционного народного движения.

Возглавив восстание, Калиновский посылает в Петербург своего друга В. Малаховского для установления единства действий с русскими революционными демократами, в частности с обществом «Земля и Воля». Калиновский усилил пропаганду среди крестьян и укреплял революционные организации по уездам.

Усилия революционных демократов Белоруссии и Литвы, насколько это позволяли исторические условия, в которых они действовали, организовать крестьянское восстание не пропали даром. В целом ряде районов им удалось осенью 1863 г. разоблачить крепостнический характер действий царского правительства и усилить крестьянское движение. Энергичная деятельность Калиновского и его соратников способствовала развертыванию восстания. Так, один из уездных комиссаров Витебской губернии в рапорте Калиновскому доносил «о популярности повстанцев, и о той, в совершенстве поддерживаемой организации, которая имеет место в сельских местностях. Повстанческие отряды—говорилось в рапорте—пользуются гостеприимным приютом на зимних квартирах у крестьян. Несмотря на ложные уверения перед целой Европой, что народ этих провинций, освобожденный от ига панов и ксендзов, благославляет Александра и счастлив под управлением му-

[1] ЦГА Лит. ССР, Вильнюс, ф. канц. Гродн. губ., д. 1317, л. 35.

равьевского начала... Несмотря на все это восстание не только существует на Литве, но становится по настоящему народным и приняло девизом слова: «или жизнь, но жизнь свободная, или смерть, но смерть мужественная на поле битвы». Несмотря на пышный возглас свой, «что все успокоилось», Муравьев тревожится... продолжаются рекогносцировки нашего войска»[1].

Однако, несмотря на отдельные успехи, стихийное крестьянское движение, не имевшее руководства рабочего класса, не могло одержать победу. К тому же деятельности его вождя, Калиновского, попрежнему мешал шляхетский Варшавский жонд и его агенты в Белоруссии.

В своей оценке восстания в Белоруссии и Литве Калиновский указывал на гибельное для восстания вмешательство жонда. Однако Калиновский не понимал, да и не мог в то время понимать, что крестьянское движение без руководства рабочего класса не может не быть стихийным. «Переезд мой в Вильно,—пишет он,—наступил во время повсеместного расстройства в Литве как в деле народной организации, так и вооруженного восстания. Данных, на основании которых мог бы судить о действительном состоянии края, насколько сама необходимость от меня требовала, я не только не получил от Дюлорана (представитель жонда в Вильно.—**А. С.**), но при всем моем желании не мог добиться кой-каких сведений в этом отношении. Трудности, ставленные правительством насчет сообщений, слабая власть Виленского отдела, не могущая возбудить в себе доверие края и ясное понимание многих, смотрящих на дело восстания не через призму увлечения, а сознающих, что, покорясь только задушевной необходимости, несут свою жизнь на бесполезную цель, были причинами того, что восстание приняло характер местный»[2].

Калиновский энергично боролся за усиление восстания. Его деятельность воодушевлялась верой в возможность победоносной крестьянской революции. Калиновский решил вывести из-под ударов карателей основные военные силы, отсрочив вооруженную борьбу до весны с тем, чтобы использовать зиму для перегруппировки сил. Его отважному плану, однако, не суждено было осуществиться.

К началу 1864 г. стало ясно, что восстание потерпело полное поражение и никакие усилия его возродить не смогут. Гибли последние отряды. Вокруг руководителей восстания все туже и туже стягивался узел царских карателей. Еще в июле месяце 1863 г. карателям стало известно, что К. Калиновский принимает активное участие в руководстве восстанием. С каждым днем карателям становилось все яснее, что

[1] ЦГА Лит. ССР, Вильнюс, ф. полев. аудитор., д. 523, л. 36.

[2] Записка К. Калиновского следствен. комиссии, ЦГА Лит. ССР, ф. полев. аудитор., д. 280.

без ареста Калиновского подавить восстание окончательно будет очень трудно. Некоторые арестованные повстанцы рассказывали об его усилиях продолжать борьбу. «Калиновский всегда заявлял,—показал один из арестованных,—что хотя восстание и подавлено, но все истинные сыны отечества должны нести все на алтарь его для продолжения борьбы». Муравьевым-вешателем были приняты энергичные меры, чтобы арестовать Калиновского. Более полугода Калиновскому удавалось скрываться от жандармов, живя напротив дворца, в котором разместился Муравьев, и только в январе 1864 г. полиции стало известно от предателя, где скрывался Калиновский. 28-го января 1864 г. он был арестован.

Несмотря на все усилия следственной комиссии, он никого не выдал и вел себя под арестом мужественно. В крепости он написал свое известное обращение к крестьянству, с призывом продолжать борьбу за землю и волю. Палачам он наотрез отказался выдать своих товарищей, гордо заявив: «Выработав трудом и жизнью сознание, что если гражданская откровенность составляет добродетель, то шпионство оскверняет человека, что общество, устроенное на иных началах, недостойно этого названия, что следственная комиссия как один из органов общественных не может отрицать во мне этих начал, что указания мои о лицах, которые делают чистосердечные признания или о которых следственная комиссия знает иным путем, не могут способствовать умиротворению края—я счел необходимым заявить следственной комиссии, что в допросах насчет личностей ею указываемых, я поставлен иногда в положение несоответственное ее желаниям, и должен быть сдержан в своих показаниях по вышеупомянутым причинам. Заявление это делано в той надежде, что следственная комиссия свойственным порядком устранит безвыходное мое положение. Причины и последствия мною хорошо обдуманы, а сознание чести, собственного достоинства и того положения, какое я занимал в обществе, не дозволяют мне следовать по иному пути»[1].

1 марта 1864 г. К. Калиновский предстал перед военно-полевым судом. На суде он держался также мужественно как и на следствии. 2 марта Военный суд по полевому уголовному уложению приговорил Константина Семеновича Калиновского к расстрелу «за принятие звания члена революционного комитета Литвы, а после того, главного распорядителя восстания в здешнем крае, а вместе с этим измену государству, склонение к бунту жителей». 2 марта Временный полевой аудиториат рассмотрел представленное комиссией военного суда дело о К. Калиновском и приговорил его к смерти через повешанье. Приговор был представлен на утверждение Му-

[1] ЦГА Лит. ССР, ф. полев. аудитор., д. 280.

равьеву-вешателю. Он наложил резолюцию, гласившую: «Согласен. Исполнить приговор в Вильно в три дня».

В холодное, ясное утро 10 марта 1864 г. приговор был приведен в исполнение. Очевидцы сообщают, что К. Калиновский исключительно мужественно встретил смерть, и «на казнь шел смело». Он твердо и спокойно взошел на эшафот и встал лицом к виселице, изредка бросая взоры в сторону народа, стоявшего вдали за шпалерами царских войск. Последние слова славного революционера, призывавшего до последних минут жизни народ к восстанию, были заглушены барабанной дробью.

Жизнь и революционная деятельность К. С. Калиновского были неотделимы одна от другой. Жить для него означало бороться против угнетателей крестьян. Жизнь его — образец беззаветного патриотизма. Виссарион Григорьевич Белинский говорил: «Жить—значит действовать, действовать—значит бороться, стремиться быть полезным отечеству, любить его так, чтобы возвыситься до готовности положить душу свою за братий своих». Так жил и боролся верный сын белорусского народа Константин Семенович Калиновский.

Калиновский был идеологом крестьянской буржуазно-демократической революции. Его мировоззрение отражало настроения революционного крестьянства и было тесно связано с освободительной борьбой крестьян против самодержавия и крепостничества. Он выступил в эпоху, когда, по определению Ленина, все общественные вопросы сводились к борьбе с крепостничеством и его остатками, и поэтому в центре его революционной деятельности и наиболее важной стороной его мировоззрения был вопрос о путях уничтожения крепостничества и самодержавия. Понимая, что крепостническая Россия не умрет без борьбы, Калиновский считал революцию единственным средством разрешения поставленных ходом общественного развития вопросов, а силой, способной провести победоносную революцию—угнетенное крестьянство.

Отражая ограниченный характер крестьянского движения, Калиновский слабо разработал вопросы нового общественного и государственного строя, который должен быть установлен после ликвидации крепостничества и самодержавия. Преувеличивая возможности крестьянской революции, он считал, что с уничтожением старых порядков освободившийся народ сам по своей воле преобразует жизнь в соответствии со своим пониманием свободы и равенства и достигнет всеобщего благосостояния. Выражая мелкобуржуазные чаяния крестьянства, Калиновский писал: «Мы сегодня все уже знаем, что человек вольный, когда имеет кусок своей земли, за которую ни чинш ни оброк не платит, ни панщины не служит, когда платит малые подати и то не на царские конюшни, псарни и разврат, а на нужды своего народа, когда не идет в рекруты чорт знает куда, а идет защищать свой край, только тогда, когда такой неприятель придет, когда делает всякий, что пожелает и не кривдит ближнего...» [1].

В результате низвержения самодержавия и крепостничества, по мысли Калиновского, в стране установится демократический строй, при котором не будет места помещичьему землевладению, вся земля будет передана безвозмездно крестьянам, будут уничтожены непосильные налоги, царь и чуждая народу царская бюрократия. Осуществление этих преобразований по существу расчистило бы путь для более быстрого, а потому и наименее болезненного для трудящихся масс развития капитализма. «Чем больше земли получили бы крестьяне в 1861-ом году,—писал В. И. Ленин,—и чем дешевле бы они ее получили, тем сильнее была бы подорвана власть крепостников помещиков, тем быстрее, свободнее и шире шло бы развитие капитализма в России. Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное как формулировка революционных стремлений к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения» [2].

Уничтожения старых порядков, по мысли Калиновского, еще недостаточно для того, чтобы вырвать крестьянина из нужды и построить жизнь, «какой не было нашим дедам и отцам» [3]. Большое значение Калиновский придавал развитию просвещения, как одному из условий обеспечения счастья народа. Он отстаивал необходимость перестроить систему образования, ввести обучение на родном языке, открыть для трудящихся дверь в науку. Не понимая определяющей роли экономических условий жизни общества, Калиновский переоценивал значение просвещения, видя в нем основную причину дальнейшего прогресса. Перед самой казнью Калиновский, продолжая думать о будущем своего народа, писал: «Нет, братки, большего счастья на этом свете, если когда человек в голове имеет разум и науку. Только тогда он может быть у власти, жить в достатках... Но как день с ночью не ходят вместе, так не идет рядом правдивая наука с неволей...»[4]. В решении этого вопроса сказывалась переоценка Калиновским результатов крестьянской революции, с которой он связывал культурный подъем народа. Калиновский еще не мог видеть, что, сметая крепостничество, крестьянская революция расчи-

---

[1] «Мужицкая правда» № 3, ЦГИА, Москва, ф. 109, д. 230, ч. 2, л. 84.

[2] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 11—12.

[3] «Мужицкая правда» № 7, ЦГА Лит. ССР, Вильнюс, ф. канц. Гродн. губ., д. 1317, л. 92.

[4] «Письма из-под виселицы», А. Гиллер, История восстания польского народа в 1861—1864 гг., т. 1, стр. 325—327, Париж, 1867.

щала пути капитализму, который нес новые формы гнета трудящимся, прикрывая свободой на словах бесправие на деле.

Поднимая трудящихся Белоруссии и Литвы на революционную борьбу против крепостнического государства, Калиновский пропагандировал мысль, что «не народ создан для правительства, а правительство для народа»[1]. Вместо царского правительства должно быть создано народное правительство, которое будет «заботиться о счастьи людей, слушать народ и делать так, как народу лучше»[2]. Оно будет охранять равенство и справедливость, пресекая попытки «злых людей» жить в роскоши за счет ограбления и угнетения других. В вопросах государства К. Калиновский шел вслед за Чернышевским, который подчеркивал важную роль государственной власти в руках трудящихся в проведении демократических преобразований.

Задумываясь над основными принципами нового государственного устройства, Калиновский подчеркивал необходимость участия крестьян в управлении государством, противопоставляя царской бюрократии «сходки людей выборных» как основные органы управления.

Отстаивая принцип народовластия, он в своих призывах, обращенных «к народу земли Литовской и Белорусской», требовал, чтобы правосудие осуществлялось не царскими судами, а самим крестьянством. Он призывал крестьян всех, кто будет противен крестьянской свободе, «...или он поп, или ксендз, мужик или барин... созвав сход и сделав справедливый суд, без оговорок вести на виселицу! Ибо кто хочет кривды людей — тот пускай лучше сам даром пропадает»[3].

Не понимая мелкобуржуазного характера крестьянства, Калиновский надеялся, что крестьянская революция уничтожит не только сословное, но и имущественное неравенство, в силу чего у него крестьянский демократизм связывался с утопическим социализмом. Он неоднократно указывал, что крестьянская свобода несовместима с существованием разорителей народа, что крестьянство хочет, чтобы никто не имел никакой возможности угнетать кого бы то ни было. Вера Калиновского в возможность уничтожения всякой эксплоатации и неравенства путем крестьянской революции была лишь мечтой, облекавшей революционные стремления крестьянской мелкобуржуазной демократии. Калиновский не понимал и в тех условиях не мог понять, что только пролетарская революция может уничтожить всякую эксплоатацию человека человеком.

[1] «Мужицкая правда» № 4, ЦГИА, ф. 109, д. 230, ч. 2, л. 86.

[2] «Мужицкая правда» № 4, ЦГИА, Москва, ф. 104, д. 230, ч. 2, л. 86.

[3] Приказ от 24 августа 1863 г., ЦГА Лит. ССР, Вильнюс, ф. канц. Гродн. губ., д. 1317, л. 35.

Калиновский скептически относился к капиталистическому Западу, указывал на страх западноевропейских правительств перед революционным движением народа. Осуждая надежды буржуазно-шляхетского руководства польским восстанием на помощь Франции и Англии, он отмечал, что «при теперешнем порядке» этой помощи ждать нельзя, что все короли заодно с царем и только революционные изменения могут разорвать союз коронованных угнетателей.

В социально-политических воззрениях Калиновского находит свое отражение присущая всем революционным демократам 60-х годов решительная борьба с крепостничеством, самодержавием и всеми их порождениями в общественной жизни, горячая защита просвещения, самоуправления, демократических форм жизни и искренняя вера в то, что эти преобразования принесут всеобщее благоденствие.

Весь ход освободительной борьбы против самодержавия и крепостничества, а также революционно-демократические убеждения вели Калиновского и его соратников к выводу, что только рука об руку с революционной Россией можно добиться действительной свободы и счастья для народов Белорусии и Литвы. Еще накануне восстания, определяя свое отношение к освободительному движению в центральной России, Литовский провинциальный комитет, под влиянием Калиновского, заявил: «Народ московский содрогается при мысли о нашей вековой кривде, он свободным братом нашим, а не угнетателем хочет быть и решительно ответственность за нашу железную неволю складывает на царизм, который должен рухнуть»[1]. В «Мужицкой правде» Калиновский и Врублевский призывают к единству с революционными выступлениями «народа в Петербурге, Москве и по всей России»[2].

Исключительно важное показание дает по этому вопросу К. Калиновский следственной комиссии, в котором заявляет, что он не является противником России и государственного единства с ней, как это ему приписывают царские опричники, а выступает против несправедливых порядков, лишающих белорусский народ своей государственности и элементарных условий для развития культуры. Он высказал убеждение, что при иных условиях «правительство русское более удовлетворительным образом и с большей пользою для обоих народов» могло бы решить этот вопрос[3]. Но не русским, а антинародным, «немецко-татарским правительством» считали царизм

[1] «Знамя свободы» № 1 от 1 января 1863 г., ЦГА Лит. ССР, Вильнюс, ф. полевой аудитор., л. 933, д. 162.

[2] «Мужицкая правда» № 3, ЦГИА, Москва, ф. 100, д. 230, ч. 2, л. 84.

[3] Записки Калиновского Виленской следственной комиссии от 28.II 1864 г., ЦГА Лит. СССР, ф. полевой аудитор., д. 280.

Калиновский и его соратники и были уверены, что царское правительство и его представители в Белоруссии и Литве «ничего у нас не сделают в деле соединения доставления счастья здешнему народу» и лишь вызовут новое восстание. Только уничтожив революционным путем крепостничество и самодержавие, можно разрешить эти вопросы.

Необходимо отметить, что злейшие враги белорусского народа—буржуазные националисты, цепляясь за отдельные ошибочные, неточные формулировки и искажая революционно-демократические убеждения Калиновского, лживо и нагло утверждали, что будто бы он боролся за отделение от России. В своей фальсификации идейного облика Калиновского они всячески раздували клеветнические измышления идеологов самодержавия и польских националистов о мнимом сепаратизме К. Калиновского.

Отстаивая необходимость союза со шляхетским освободительным движением в Польше, Калиновский допустил ошибку, ослабив критику колонизаторской политики польских магнатов в Белоруссии. Хотя он и указывал, «что нам и под польским правительством не совсем было хорошо»[1], что и тогда существовала барщина и бесправие крестьянства, однако, эти положения он не развернул. Больше того, он допускал известную идеализацию условий жизни белорусского народа под гнетом феодальной Польши. Правильный для того времени лозунг Калиновского—«Польское дело это наше дело, это вольности дело»—много бы выиграл от более четкого обоснования.

В объяснении явлений общественной жизни Калиновский придерживался идеалистических взглядов. Так, например, с идеалистических позиций Калиновский решал вопрос о происхождении крепостничества, не связывал его возникновения с экономическим развитием и классовой борьбой, а выходил из необходимости защиты государства от нападения извне и обязанностей всех граждан перед государственной властью. Воины положили начало дворянам, а граждане, обслуживающие их—крепостным крестьянам. Такое понимание причин возникновения крепостничества находилось в явном противоречии с исторической действительностью и не могло явиться теоретическим оправданием той непримиримой борьбы, которую вел Калиновский против крепостнического государства, охранявшего интересы помещиков.

Вместе с тем, Калиновский правильно подходил к решению вопроса о причинах восстания. Он видел деление людей в

[1] «Письма из-под виселицы», см. А. Гиллер, История восстания польского народа, т. 1, стр. 327—335.

обществе на классы и указывал, что каждый класс всеми силами отстаивает свои интересы и добровольно никогда не откажется от своей выгоды. Если крестьяне стремятся завоевать всю землю и освободиться от угнетения, то помещики с неменьшим упорством защищают существующий порядок, и потому без открытого столкновения между этими двумя классами не обойтись.

Калиновский отбрасывал религиозно-идеалистические представления, будто изменения общественной жизни вызываются какой-то сверхъестественной силой. Он призывал вешать тех священников, которые противятся свободе народа, и учил крестьян ставить борьбу за правое дело выше догматов религии. Можно забыть небо и потустороннее счастье, учил он крестьян, но нельзя прекращать борьбу за справедливое дело, если это даже расходится с требованием религии. Разоблачая связь православной и римско-католической церкви с интересами крепостников-помещиков, отстаивая свободу совести, Калиновский, однако, допускал ошибку, беря под свою защиту униатство, которое явилось средством окатоличивания и полонизации белорусского народа.

Калиновский был свободен от каких-либо скептических размышлений о невозможности раскрытия и устранения основ социальной несправедливости, нищеты и бесправия трудящихся масс. Он смело вскрывал причины бедствий и страданий народа и призывал к революционному уничтожению угнетателей. Вся жизнь и революционно-демократическая деятельность Калиновского были неразрывно связаны с борьбой трудящихся масс против крепостничества и самодержавия.

В. И. Ленин исключительно высоко оценивал деятельность революционных демократов 60-х годов. «Революционеры — вожди тех общественных сил, которые творят все преобразования, реформы — побочный продукт революционной борьбы.

Революционеры 61-го года остались одиночками и потерпели, повидимому, полное поражение. На деле именно они были великими деятелями той эпохи, и, чем дальше мы отходим от нее, тем яснее нам их величие, тем очевиднее мизерность, убожество тогдашних либеральных реформистов»[1].

Поднимая крестьянство на борьбу со своими угнетателями, К. Калиновский указывал на необходимость объединения с всероссийским освободительным движением для успеха этой борьбы. Призывая к восстанию, он учил трудящиеся массы, что нельзя ждать милости от царя и нельзя ожидать помощи в борьбе за свободу народа от антинародных западноевропейских буржуазных правительств.

Громадная роль Калиновского в истории передовой общественной мысли и освободительного движения в Белоруссии

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 17, стр. 100.

заключается в том, что он, глубоко поняв революционное значение выдающихся достижений русской революционно-демократической мысли, широко пропагандировал и смело использовал эти достижения, ведя самоотверженную борьбу с врагами трудящегося люда. Калиновский был первым крупным последователем Н. Г. Чернышевского в Белоруссии, способствовавшим укреплению связи освободительного движения и передовой общественной мысли в Белоруссии с революционным движением и революционно-демократической мыслью великого русского народа. Н. Г. Чернышевский был общепризнанным учителем революционеров не только 60-х годов, но и последующих десятилетий. Огромное значение оказывали его произведения и на формирование мировоззрения ряда общественных деятелей Белоруссии в более поздний период. Могучему воздействию его гения многим обязаны Ф. Богушевич, Я. Купала, Я. Колас, А. Тетка и др. Передовые общественные деятели Белоруссии считали Чернышевского «великим учителем двух поколений» революционеров, пробуждавшим веру «в лучшие идеалы человечества» и звавшим на героическую борьбу за осуществление этих идеалов.

Революционно-демократическая деятельность К. Калиновского способствовала росту освободительного движения в Белоруссии. С пробуждением пролетариата—единственного последовательно революционного класса—освободительное движение получило могучего вождя, который впервые поднял к открытой революционной борьбе миллионы трудящихся крестьян и повел их к победоносной социалистической революции.

Изучая самоотверженную революционную деятельность К. Калиновского и его соратников, восхищаясь их героизмом, мы ясно видим, что усилий горсти героев-демократов недостаточно для успешного руководства борьбой народных масс за свободу, за лучшее будущее. Мы видим, что эту роль может выполнить только рабочий класс, руководимый марксистско-ленинской партией, вооруженной передовой теорией. Изучая жизнь и деятельность К. Калиновского, мы видим также, что «беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы» [1]. Славная героическая жизнь белорусского революционного демократа К. Калиновского, отдавшего всю свою жизнь борьбе за свободу трудящихся масс, показывает нам, что только любовь к трудовому народу может явиться источником высоких дум и великих бессмертных подвигов.

---

[1] В. И. Ленин, Соч., т. 18, стр. 15.

Техредактор *Х. Александрович*
Корректор *С. Перкина.*

АТ 01697 Подписано к печати 11/XI-1950 г. Тираж 6000 экз.
Бумага 60×92 1/16. Уч.-авт. лист. 1,5. Печатн. лист 1 3/4. Зак. 874

Типография издательства Академии наук БССР. Минск, Пушкина, 58

Цена 80 коп.